

Г. КУЛАГИНА и ОРЛОВ

Студенты IV курса Истфака

„ВОЛНЕНИЯ УГЛЕЖОГОВ В РЕВДИНСКОМ ЗАВОДЕ В 1841 ГОДУ“¹

ОБЩЕЕ ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ЗАВОДОМ

Ревдинский чугуноплавильный и железоделательный завод построен в 1734 г. по указу государственной берг-коллегии от 10/VI 1730 г.

Строил завод „действительный статский советник и кавалер“ Акинфий Никитич Демидов.

Завод построен был на реке Чусовой на месте бывшей татарской деревушки Ревды в 315 верстах от губернского города Перми и в 44 верстах от гор. Екатеринбурга.

Кругом завода „леса еловые, пихтовые, березовые, осиновые и сосновые, а на сколько лет оных стать может за неизмеримостью и нераздельностью их на лесосеки неизвестно. Вырастающая же мелкая поросль на прежде вырубленных местах обещает хорошую благонадежность“,— так писал Иван Герман, Обер-Берг-Гауптман 4-го класса в 1808 г. на имя императора Александра Павловича.

В лесах кругом Ревды расположены такие же заводы, да несколько деревень с приписными крестьянами. Земель, пригодных для хлебопашества, мало благодаря каменистости почвы.

Точных сведений о состоянии Ревдинских чугуноплавильного и железоделательного заводов на 1840 г. не имеется.

---

¹ Материалы для настоящей работы взяты из документов Свердловского архива и разработаны в 1936/37 учеб. году студентами 4-го курса Исторического факультета СГПИ под руководством проф. Юшкова.

Материалы по истории и описанию завода написаны товарищами Ворониной и Шароновой, т. Добрынина писала о предпосылках событий 1841 г. в Ревде, ход событий с 14 по 17 апреля описан Кулагиной, раздел—суд и расправа над углежогами написан Орловым.

Материалами для нас являлись 9 дел военного суда, учрежденного в Ревде, переписка чиновников, рапорта, доносы, предписания Уральского горного правления, допросы военно-следственной комиссии, показания на очных ставках, решение военного суда, царская конфирмация и решение правительствующего сената. Только по одному из вопросов о количестве убитых мы могли сравнить два документа: кроме официального сообщения мы использовали частную летопись ревдинских граждан Умновых. Других материалов ни в Ревде, ни в Свердловске не оказалось.

Но по данным других лет видно, что завод рос очень медленно, большинство работ производилось вручную.

Два действующих доменных горна в 1808 г. давали в сутки от 450 — до 700 пудов чугуна, горны же и молоты для расковки стали давали в неделю всего 30 пудов.

Завод имел большое рудное хозяйство. Работы в рудниках и на приисках велись весьма примитивно. Машин для подъема руды не было, поднимали ее деревянными бадьями при помощи ручных валков.

Крепление при добыче руды отсутствовало, а поэтому во избежание обвалов, добычу производили преимущественно зимой.

Завод имел собственных мастеровых и „рабочих“ людей, кроме того к заводу были приписаны крестьяне, проживающие в соседних деревнях иногда на расстоянии до 170 верст от завода.

Крестьяне близлежащих деревень, главным образом Краснояра и Починка, составляли при заводе цех углепоставщиков. Основным занятием углепоставщиков, или, как их правильнее назвать, углежогов было следующее: вырубить лес, выжечь из него уголь и поставить заводу.

Календарь работ углежого показывает, что куренная работа (работа по выжугу угля) занимала у углежого до 145 дней в году с апреля по ноябрь (с отпуском только на сенокос), заниматься сельским хозяйством углежогам было совершенно некогда.

Провиант на себя и на всех членов семьи углежого получали от заводууправления в счет заработка.

Расчет за все работы производился обычно один раз в год в апреле месяце.

Для ведения куренных и других работ на заводе крестьянину-углежогу необходима была тяговая сила, но лошади были не у всех, а поэтому приходилось брать их у заводууправления.

Из 642 чел. цеха углежогов 19 не имели лошадей совсем, 63 имели по одной лошади, остальные различное количество от 2-х до 8.

Сведений о рабочих других цехов завода и вообще об истории завода за 100 лет с момента постройки завода до событий 1841 г. не представляется возможным дать за отсутствием документов. Известны только отдельные факты, которые могут дополнить общую картину.

Так, например, известно, что в 1808 г. тайный советник Демидов (наследник строителя завода Акинфия Демидова) продал завод коллежскому ассессору Зеленцову.

Условия этой торговой сделки весьма оригинальны: Зеленцов, покупая завод, одолжил у Демидова 1.280.000 рублей с обязательством уплачивать ежегодно по 160 тысяч рублей.

Если долг оказался бы к 1815 году невыплаченным, Зеленцов обязался отдать завод обратно в эксплуатацию Демидову. Об этом факте не стоило бы и упоминать, если бы он не оказал соответствующего влияния на весь ход событий.

Долг Демидову своевременно выплачен не был.

Заводское хозяйство Зеленцов за время управления заводом запустил: выросли долги, запутались все дела.

Годовая добыча завода с 305 тысяч пудов чугуна снизилась до 139. Это обстоятельство объясняется, конечно, не только плохим ведением дел Зеленцовым, а в большей степени общим понижением выработки продукции Уральских железоделательных заводов в начале XIX века.

На заводе увеличился нажим на рабочих, с целью „больше выжать“ из них. Это вызвало крупное недовольство рабочих и углежогов. В конце концов вскрылась полная несостоятельность Зеленцова.

В октябре 1823 г. комитет министров, разбирая этот вопрос, решил поставить заводы, принадлежащие Зеленцову, под казенный контроль.

И в Ревдинский завод был прислан казенный управляющий, кроме того старому заводовладельцу Демидову дано было право назначить в завод своего уполномоченного.

С этого времени между заводчиками Зеленцовым и Демидовым начинается тяжба.

Демидов требовал с Зеленцова долги, а тот, в свою очередь, подкапывался под Демидова, обвинял его в том, что в 1808 году он при продаже завода обманул Зеленцова, показав увеличенные границы земель, принадлежащих заводу.

СОБЫТИЯ 1824 — 26 ГОДАХ

В этих условиях и развернулся первый эпизод борьбы углежогов за свои права в 1824—26 годах.

1 декабря 1824 г 600 чел. углежогов прекратили поставку угля заводу.

Они привезли уголь, но, остановившись у заводской плотины, отказались сдавать его до тех пор, пока не будет уменьшена мера угольного короба. Так продолжалось 6 дней.

Время было самое удобное для возки, а угля на заводе было мало. Заводское начальство пошло на уступку, сократив меру угольного короба с 25 до 17 пудов. Добившись этого, углежогги приступили к работе и всю зиму и весну возили спокойно уголь, но когда наступило время расчета выяснилось, что он будет произведен по старой мере.

17 мая 1825 г. вспыхнуло крупное недовольство углежогов, которые требовали проведение расчета по уменьшенной мере и утверждения этой меры впредь на все время.

И на этот раз они своего добились.

Но контора, пойдя на временные уступки, решила все-таки наказать углежогов и обратилась с жалобой в Пермское Горное Управление. А углежогги, собрав 50 руб. денег, послали 5 чел. ходоков в Екатеринбург с жалобой на местное начальство.

Ходоки были арестованы и тогда 550 чел. углежогов пошли толпой в Екатеринбург. До города дошло только 200 человек (остальные послушались уговоров исправника), но и они через два дня под сильной охраной военной команды были водворены

в Ревду и дали подписку в том, что „перечить начальству больше не будут“.

Недовольство углежогов с новой силой возобновилось в 1826 г. Они держались организованно у себя в Еланской слободе, угроз и „увещеваний“ не слушали и клялись возить уголь только по уменьшенной (1824 г.) мере.

В среде Ревдинского заводского начальства царил паника. Из Екатеринбурга была вызвана воинская команда, и мирная толпа углежогов на площади была зверски избита.

Отдельные волнения вспыхивали еще на протяжении нескольких месяцев, но постоянные преследования и аресты вели к тому, что сила сопротивления углежогов падала.

Интересен тот факт, что заводовладелец Зеленцов при подаче прошения в суд указал персонально на каждого виновного и на меру наказания, которую он считает нужной применить, а суд не стал утруждать себя разбором обстоятельств, при которых произошли волнения, а посчитал дело выясненным до него Пермской Горной Коллегией и занялся только юридическим оформлением того, что до него решили Зеленцов и П. Г. К.

Приговор был вынесен 28 августа 1826 года.

По нему 6 чел. решено было „наказать в страх прочим плетью и как вредных для завода людей сослать в Сибирь на поселение.¹ 6 человек решено было наказать батогами, оставить на жительство в заводе. Ходоков в Екатеринбург решено было наказать палками“.

Апелляция Правительствующему Сенату не помогла.

Управляющий Селянин был отозван из завода, а умершему исправнику Штейнману был дан строгий выговор „за допущение волнений“ Окончательное усмирение было произведено только в марте 1827 г. и только тогда из Ревды отбыла воинская команда.

Углежогам ничего не добились, наоборот, с них же еще должны были взыскать 7263 рубля, которые истратила контора на содержание воинской команды.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ 1841 ГОДА

Начало XIX в., ознаменовавшееся рядом восстаний и волнений на уральских заводах (Кыштым, Ревда и др.), вызвало к жизни пресловутое секретное предписание комитета министров всем заводчикам хребта Уральского „о человеческом отношении“ к рабочим. Это предписание гласило:

„Обязать через департамент горных и соляных дел всех заводчиков хребта Уральского (без всякой огласки подписками), чтобы они по долгу христианскому владельцев входили в положение горнорабочих и по совести назначали им достаточное содержание, удаляя всякие жестокости и притеснения под опасением взятия заводов их в казенный присмотр; причем вменить им в обязанность: если не рассудят снабжать горнорабочих, неимеющих достаточно хлебопашества, безденежно про-

---

¹ ДК № 24, связка 9, лист 527.

виантом, как казенных людей, то давали бы им пайки против казенных по весьма умеренной цене. Таковую цену поставить на 6 лет и представить на утверждение Горного правления".¹

Этот документ ярче всего говорит о том, что волнения и восстания рабочих и приписных крестьян на Урале стали явлением столь внушительным, что комитет министров был вынужден возвать к „человечности“ заводчиков.

На основании этого указа все заводы должны были представлять в горное правление ведомости, по которым производятся расчеты с рабочими, с указанием цен на провиант. Но главный начальник Уральского хребта вовсе не склонен был на основании получаемых ведомостей производить какой-то контроль над заводчиками. Он прямо признается, что „подобные ведомости должны быть принимаемы (только) к сведению и соображению на случай могущих быть жалоб и беспокойств на заводах“.

Этим самым предупреждению ком-та министров давалось официальное толкование, что его можно не придерживаться, лишь бы только не вызвать слишком жестокими мерами возмущение среди рабочих.

Это обстоятельство было учтено администрацией Ревдинского завода, и она в основу своей деятельности положила принцип: „Грабь рабочих, но так, чтобы это с рук сходило“.

А положение углежогов на Ревдинском заводе было действительно тяжелым. Определенного положения о раскладке работ не было и работы налагались по усмотрению заводоуправления.

Главный оклад на каждого взрослого работника был таков: нарубить, склать, выжечь и представить в завод угля:

из соснового леса — 60 коробов и
из березового . . — 25 „

ИТОГО — 85 коробов.

(На заводах Билимбаевском, Каслинском, В.-Исетском главный оклад был от 65 до 80 коробов и не выше).

На малолетних и неполноценных работников (старость, инвалидность) исчислялась доля.

Сверхокладные работы вклинивались в выполнение оклада и налагались произвольно. Они слагались из следующих многочисленных работ:

1. Выжечь из готовых (нарубленных другими) дров угля березового — 25 коробов, соснового — 30 коробов.

2. Нарубить и поставить заводу 4 сажени квартирных дров.

3. Сплавливать лес до главного пруда (40 верст).

4. Поставить на заводскую конюшню 40 пудов сена.

5. В зимнее время углежогов использовали на поставку в завод руды. Кроме того они отбывали гужевую повинность.

6. Их использовали для починки дорог, мостов и других мелочных работ, которые и учесть-то трудно.

---

¹ Из секрет. предписаний мин-ва финансов глав. нач-ку Уральских заводов от 13/IX 1827, г. № 53.

Все эти работы, вместе взятые, были чрезвычайно тяжелы и отнимали время, нужное для выполнения главного оклада.

Общий заработок углежога складывался из плат за отдельные виды работ: за выжег короба соснового угля причиталось получить 1 рубль, березового — 1 р. 30 к., за нагрузку и свалку короба угля — 5 коп., за перевозку из куреня в завод 5 коп. с версты, за кладку, сыпку, выжег из готово-нарубленных дров 75 коп., за сплав бревен 15 коп. за штуку, мелкие же сверхокладные работы часто совсем не оплачивались.

А за прочие работы¹ „кратковременные (мелочные звенья) заводоуправление иногда выдает плату, иногда вовсе ничего не платит. Так один из углепоставщиков Ювеналий Дрягин показывал, что за работу его на пасхе прошлого года в Маринском заводе при починке плотины и еще, ранее того, за поставку дранищ осенью 1839 г., его поныне ничем не удовлетворили и даже не поместили этой работы в ярлыках, хоть контора — надзиратели Моксунов и Усольцев равно и работавшие с ним люди, об этом знают и он просил самого Усольцева неоднократно“.

Работ сверхокладных в той мере, в какой они требовались в Ревдинском заводе, не было ни в одном из окружающих заводов. Даже Горное правление определило впоследствии, что² „Работы, налагаемые в Ревдинском заводе на углепоставщиков превышали уроки, как казенных, так и всех соседственных частных заводов, и что только³ „для исполнения одного главного оклада, следуя казенному положению, надо было быть в работе в продолжение почти года“.

Предметом постоянного недовольства и причиной столкновений углежогов с начальством была мера угольного короба, равная 27,216 куб. в ершкам, большая, чем мера 1826 года и чем мера на казенных заводах.

В деле приемки угля царил исключительный произвол приемщиков. Заметит приемщик недостаток угля в одном коробе и засчитывает его и на все остальные короба, хотя бы в них были даже и излишки.

Большая часть углежогов систематически не выполняла налагаемых на них окладов. Особенно участилось невыполнение окладов в 1838—40 гг. Это обстоятельство влекло за собой весьма печальные для углежогов последствия.

Год от года вырастал долг углежога, вырастало количество наказаний.

Разберем для примера расчетный листок одного из углежогов за 1838—39—40 гг.

Гаврила Белоусов, наказанный за недоработку 35 лозинами. Семейное положение: жена, трое малолетних детей и старуха мать. Рабочих лошадей имел 2.

¹ Связка I, т. I, с. 577, лист 584.

² Связка 9, т. II, лист 222.

³ Связка 9, т. III, лист 222.

В 1838 году он должен был выполнить следующий оклад:

угля соснового — 45 коробов,
„ березового — 35 „
ИТОГО — 80 коробов.

Выполнил он 62 короба, за что следовало получить 67 р. 12¹/₄ к. В счет заработка он получил на протяжении года 93 пуда провианта по 74 ³/₄ к. за пуд, на сумму 69 руб. 40 коп., кроме того деньгами и другими продуктами на 47 руб. 22 ¹/₄ коп.

Таким образом расчет в конце года был произведен с долгом на Белоусова в 49 руб. 49¹/₄ коп.

Почти такая же картина была в 1839 и 40 гг., и к концу 1840 года долг углежого Г. Белоусова заводууправлению равнялся уже 150 руб. 85¹/₂ коп.

Анализ многочисленных расчетных листков показывает, что положение углежогов было исключительно тяжелым, что им приходилось жить в безвыходной кабале.

С крепостными углежогами заводское начальство и приказчики не церемонились, их пороли и исправник, и приказчики, и куренные надзиратели. Особенно знаменит своими жестокостями был куренной надзиратель Камаганцев. О нем с гневом и ненавистью говорят многочисленные показания углежогов.

Углежог Матвей Бороздин показал, что имелось „общее недовольство на куренного надзирателя Алексея Камаганцева за жестокое и беспричинное наказание нас розгами, в случае малейшей недоработки“.

Список жестокостей Камаганцева очень длинный.

Его бесчеловечное отношение было одной из причин недовольства углежогов, переполнившей чашу терпения.

Углежогов часто жестоко наказывали за ослушание и за всякую мелочь.

Штрафной журнал Ревдинского завода пестрит отметками следующего характера:

Максим Дрягин наказан за ослушание 50 лозинами.

Данил Еремин за невыполнение оклада 50 лозинами и т. д. и т. п. К этому нужно добавить, что штрафной журнал велся исключительно скверно. Впоследствии комиссия, занимавшаяся разбором ревдинского дела, установила, что очень многие из объявивших себя наказанными, в журнал занесены вовсе не были, и вообще журнал велся так, что установить настоящую картину наказаний углежогов невозможно.

Помимо всех вышеуказанных причин большую роль в усилении недовольства сыграли следующие факты:

1. Затрудненный сплав леса в 1839—40 гг. (вместо 18 полагающихся дней затрачено было до 60 дней).

2. В 1840 г. на заводе был большой пожар, поведший позже к увеличенному спросу на уголь, к увеличению работ.

3. За эти годы сильно возросла цена на провиант. Недовольство в среде углежогов нарастало.

В это самое время 11-го октября 1840 года на имя исправника и заводууправителя пришел указ от Горного правления,¹ гласивший, что мера угольного короба может быть установлена заводами произвольно, но расчет должен производиться на меру в 22.400 куб. верш.

Исправник Земляницын, заручившись согласием заводоуправления, скрыл указ, но до углежогов дошли слухи о том, что от главного начальника пришел „штат“ и что местное начальство его скрывает.

В понятие „штат“ углежогам вкладывали следующее: они считали, что это документ, содержащий в себе точное указание главного оклада, равного окладу казенных заводов, сверхокладных работ, уменьшенную меру короба, определенную оплату, близкую к оплате казенных заводов, цену на провиант постоянную и не выше цены для заводских служителей.

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

**Все дальнейшие события разворачиваются под лозунгом
борьба за „штат“**

9 ноября 1840 г. заводской служащий Николай Сосунов тайно снял копию указа Горного управления и прочитал ее углежогу из дер. Краснояр Ермилу Дрягину.

Этого было достаточно для того, чтобы все углежогам Краснояра заговорили о штате.

Слухи росли и ширились.

Этому способствовало то обстоятельство, что исправник продолжал скрывать указ, а служители тайно предлагали крестьянам продать копию с него то за 10, то за 50 рублей. Кроме того приемщик угля Павел Моксунов, как бы невзначай обронил при приемке угля, что последний раз меряет уголь этой мерой.

3 января 1841 г. 4 углежогам пришли к исправнику Земляницину, прося прочитать штат. Он сказал им, что никакого штата нет, но хождения с просьбами об объявлении штата не прекратились. Вскоре были арестованы первые „разглашатели штатов“ — служитель Сосунов, Ермил Дрягин и приемщик Моксунов.

Это еще больше укрепило веру крестьян в то, что штат есть.

В начале марта уже 50 человек углежогов из Краснояра и Починка пришли к исправнику.

Они жаловались на тяжесть работ, на отсутствие провианта и просили объявить им штат. Один из приказчиков сказал крестьянам во время этого их посещения: „Хоть штат-то и есть, ребята, да не хуже ли вам будет“? Эта фраза еще больше убедила углежогов в правильности их предположений. И когда исправник,

---

¹ „Горное правление в присутствии главного начальника, слушав записку 2-го отделения от 9 Сент. № 1097 об угольном коробе по заводам Ревдинским, Нижне-Тагильским, Каслинским, Невьянским и Суксунским, приказали: предписать исправникам Суксунскому, Тагильскому, Невьянскому, Каслинскому и Вашему благородию объявить заводууправлениям, что они могут дозволить своим рабочим при приеме угля короб произвольной величины в таком только случае, если сами рабочие признают это для себя удобным“.

испугавшись дальнейших осложнений и желая отделаться от „навязчивых прошателей“, велел выдать им провиант, они не разошлись, а стали настаивать на своем. Тогда Земляничин приказал послать к нему выборных, а не ходить „скопом“.

Среди выдвинутых „прошателями“ грамотных не нашлось и составлять прошение поехали в соседний Сергинский завод. На поездку собрали 17 р. 50 к., и прошение было написано служителями Трубецковым и Силаевым за 8 руб. и штоф водки.

Прощение это выглядело так:

„Всероссийский государь всемилостивейший.

Просят Ревдинского госпожи Демидовой завода жители: Ювеналий (Алерий) Дрягин, Ефим Козьмин Сараев, Карп Осипов Еремин, Матвей Андреев Бороздин, Мирон Васильев Шукин, Андриян Назаров Рукавишников, а о чем наше прошение, тому следуют пункты:

1) В нынешнем 1841 г. мы неоднократно просили госп. завод. исправника М. М. Земляничина о положении безбедно, как по прочим казенным златоустовским заводам, штатного положения завода, как по доменному, молотовому, куренному и прочим цехам, какового штатного положения и по сие время не видим. О чем неоднократно просили и самих управляющих Круглова и Котовщикова, которые нам отозвались, что у нас по конторе штатного казенного положения нет и не будет. В особенности Круглов с азартом сказал: „Вы, ребята, не дожидайтесь, ничего вам не получить“.

А положение наше по куренному цеху такое... (далее следует подробнейшее перечисление всех работ и оплаты за них, вообще полная характеристика положения углежогов, о котором мы подробно говорили раньше).

Через несколько дней после подачи этого прошения исправник вызывал „прошателей“ к себе и внушал им, что в Ревдинском заводе все, как и в остальных заводах и что изменений никаких не будет.

Тогда было решено подать второе прошение, а предварительно ознакомиться с копией указа. Дрягина, Шукина, и Еремина послали с этой целью в Шайтанский завод, где они и были арестованы.

В ответ на это 7 апреля к исправнику явились 200 челов. углежогов из Краснояра. На площади собралась большая толпа, т. к. в этот день крестьяне других селений пришли получать в заводоуправление лесные делянки на новый год.

Посылали к исправнику несколько делегаций с просьбой освободить арестованных, но он отказался и тогда к его дому пришли всей толпой.

Уверениям исправника толпа не поверила, а потребовала, чтобы вышел священник и дал присягу в том, что „штата“ нет.

В этот же день арестованные Еремин, Шукин и Дрягин выломали перегородку в арестном помещении и присоединились к толпе.

Управляющий завода Котовщиков, видя настойчивость толпы, пообещал внести на заводе положение Сергинских заводов, но

подписки в этом не дал, и толпа, впервые организованно ушла ночевать в Еланскую слободу.

Исправник завода спешно донес о происходящих событиях в Екатеринбург, и берг-инспектор¹ вынужден был послать в Ревду советника Горного управления Карпова для наведения порядка.

8-го апреля толпа снова была на площади и просила штат. Карпов с крыльца господского дома убеждал углежогов разойтись и не собираться толпами.

Он вычитывал им законы и выдал копию с указа 1826 г., но толпа глухо гудела, а отдельные голоса выкрикивали, что работать по этому положению больше не будут.

Многие кричали также о том, что законы они давно знают, их уже не раз читали, а вот штат им никто не прочел.

Тогда советник Карпов решил использовать еще одно средство, он послал за „благочинным священником Дмитрием Флеровским“, желая использовать его для убеждения толпы.

Священника слушали плохо, а под конец заявили прямо, что он не на их стороне и, не дослушав, ушли ночевать всей толпой в Еланскую слободу.

И 9-го и 10-го апреля приходили на площадь в количестве 300 человек с теми же требованиями штата.

Когда вечером 10-го апреля толпа углежогов в полном порядке ушла с площади с твердым решением и впредь „не кориться, не славаться“ и добиваться во что бы то ни стало объявления штата для Ревдинского завода, советник Карпов серьезно задумался. События последних дней заставили его изменить тактику и от „убеждений“ и „увещеваний“ перейти к более серьезным мерам.

И в самом деле: толпа углежогов на площади с каждым днем все увеличивалась; по ночам в Еланской слободе царили свои, установленные углежогами, порядки: ставились караульные на мосту и не допускали в слободу никого кроме своих, в избах поздно ночью видны были огни; казалось, люди разучились спать, они сидели на завалинках и вели бесконечные разговоры о штате, о том, что вести себя нужно стойко, даже и в том случае, если заводоуправители вызовут из Екатеринбурга воинскую команду.

Благодаря постоянным разговорам с отставным унтер-офицером Иваном Десятовым, в начале у организаторов борьбы за штат, а потом и у всей массы углежогов явилась твердая уверенность в том, что „в России солдаты не стреляют в народ“¹ и, следовательно, если даже и прибудет воинская команда, бояться нечего.

„Ну выстрелят для страха и порядка раза два холостыми, а потом все же штат зачтут“. — Так говорили многие. Это убеждение вселяло уверенность в массу углежогов. Они продолжали ежедневно, как доносил исправник Земляничин, „представлять собой толпу, которая изо дня в день приметно увеличивалась. На площади они уже совсем не слушали увещеваний,

¹ Из показаний, связка 2, дело 3.

появление попов встречали насмешками и продолжали настойчиво требовать штат.

На дорогах, ведущих из Ревды в Курени и в другие села, часто можно было встретить конных, предупреждавших проезжих о происходящих в Ревде событиях.

Все это создавало серьезную угрозу. К волнению со дня на день могли присоединиться крестьяне соседних сел. Непокойно было и в самой Ревде. Не раз уже были замечены в толпе углежогов рабочие других цехов.

Так, вечером 9 апреля Флеровский — местный поп, довел до сведения советника Карпова, что он приметил в толпе мастеровых: Якова Зарубина, Василия Винокурова и Алексея Трухачева.

Здесь уместно сказать о подлом поведении обоих местных священников во все эти дни. Прикрываясь миссией „увершителей“, они выходили к толпе с тем, чтобы вечером принять участие в составлении списков „замеченных в буйстве“. Им-то были хорошо известны и мастеровые, и углежог и члены их семейств. Они знали их в лицо по имени, знали их дела и зачастую даже мысли: в руках попов было сильное орудие — исповедь.

Флеровский всем своим поведением изобличает себя, как агента сыска, тонко ведущего политику шпионажа. Его увещаниям, двуличным заверениям ревдинцы не верили, даже „святому кресту“ и иконе в его руках не придавали большого значения, хотя все участники сборов на площади были верующие и почти перед каждым своим выступлением молились.

Многие из них отрицательно относились к этому неприятному, вертлявому „православному пастырю“ еще и потому, что были они раскольниками и подвергались всевозможным гонениям с его стороны. Вообще нужно сказать, что религиозным убеждениям рабочих и углежогов начальство уделяло большое внимание. Это подтверждается тем, что в бланках допросов, привлеченных позже по Ревдинскому делу, центральное место занимал вопрос:

„Какого ты вероисповедания, бываешь ли на исповеди и у святого причастия и когда был последний раз?“

Появление Флеровского перед толпой вообще только подливало масла в огонь. В последние дни толпа становилась все шумнее. Теперь уже ничто не помогало и „по всему этому, — как говорится в сентении военно-следственной комиссии, — советник Карпов, не находя никаких средств к привлечению возмущившихся мерами кроткими к повиновению, оставил Ревдинский завод“.¹

На этом как-бы закончился второй этап событий. Советник Карпов отбыл в Екатеринбург.

Углежог и несколько дней не появлялись на заводской площади. Некоторые уехали в курени, т. к. там работа в большинстве случаев была оставлена на малолетних и женщин, но они готовы были по первому извещению нарочных вернуться в Ревду.

Вечером 13-го апреля прошел слух о том, что в Ревду из Екатеринбурга идут воинские части.

¹ Связка 9, дело 22, лист 12.

С этого времени начинается новый третий этап в движении углежогов, такой короткий по времени и так трагически закончившийся. В курени поехали нарочные.

Решено было на завтра с утра выйти всем на площадь и настойчиво требовать объявления штата. „У нас положено было заранее,—показывал позже на допросе один из видных организаторов борьбы за штат Демид Кокушин,—ходить на площадь вскопых до тех пор пока не решат нашей просьбы.

Хотя бы до Петрова дня“.¹

14-го рано утром из Еланской слободы на заводскую площадь спокойно и организованно пришли углежог в количестве 500 человек.

Толпа пополнялась, но мастеровых не было видно, в заводских цехах работа шла полным ходом.

В час пополудни в Ревду прибыло 178 человек пехоты (две роты) при одном орудии, под командованием Пашенко. Части проследовали на заводскую площадь и стали строиться против толпы, которая в этот день не была „вооружена“ камнями, жердями и чугунинами.

„Толпа кричала батальонному командиру, чтобы он не смел строиться против них, на что последний не обращал внимания и начал строить роты в должный порядок“.²

Страх перед орудием и вооруженными солдатами дезорганизовал толпу. Но после убеждений Тимофея Козырина о том, что стрелять не будут, толпа стала успокаиваться. С площади никто не ушел.

В показании Абрама Десятова говорится о том, что большую роль для успокоения толпы сыграло то обстоятельство, что „в то время отставной унтер офицер Иван Десятов подходил к начальнику, а потом к своему брату, позже убитому, и говорил, что стрелять пулями не будут, а выстрелят холостыми для страха. Это разнеслось в народе в все уверены были, что штат все-таки выдадут“.³

Это убеждение еще больше укрепилось, когда в толпе узнали, что вместе с солдатами из Екатеринбурга прибыл сам исправляющий должность главного начальника Горного управления Уральского горного хребта полковник Порозов, а с ним и помощник горного начальника майор Клейменов. Появившегося в толпе Порозова в сопровождении Клейменова и двух исправников встретили вначале гулом одобрения.

Но когда берг-инспектор „приказал прекратить шум, снять шапки в знак уважения дарованному ему его императорским величеством сану и приступил к убеждению“,⁴ так надоевшему углежогам за последние дни, толпа зашумела сильнее прежнего.

Более других выделялся Тимофей Козырин, призывавший

¹ Связка 2, дело 3, лист 329.

² Связка 9, дело 22, лист 13.

³ Связка 2, дело 3, лист 59.

⁴ Связка 9, дело 22, лист 13.

толпу не верить никаким вычитываниям из законов и убеждениям, не кориться, а добиваться штата.

На требование берг-инспектора выдать зачинщиков толпа ответила: „Зачинщиков нет, мы все равны“.

И „буйство и непокорность“, так смачно расписываемые в доносе исправника Земляничина, выразились только в том, что толпа так и не сняла шапок перед „господином берг-инспектором“, не выдала ни одного человека и даже после пресловутой речи берг-инспектора продолжала шуметь и требовать штат.

Даже пристрастные авторы сентенции, которые не скупилась на краски, чтобы очернить углежогов смогли написать об этом столь „страшном буйстве“ только следующее: „Один из среды их, стоявший подле майора Клейменова, с дерзкой решительностью сказал: „Еще посмотрим чья возьмет“. Этому дерзкому приказано было выйти и огдаться в руки воинской команды, причем г. берг-инспектор лично взял его за рукав, но стоявшие подле ухватились за него и вся толпа кричала: „не дадим его“.¹

У берг-инспектора был свой план, состоящий из следующих моментов: 1) запугать толпу видом вооруженных солдат и орудия; 2) выловить организаторов, деморализовав этим толпу; 3) расколоть толпу, посеяв в ней рознь и ненависть к зачинщикам.

Углежого выслушали его речь. Они думали, что в конце концов, он скажет им, что они правы, что штат есть, что его скрывали заводоуправители, но... ожидания толпы не сбылись.

Берг-инспектор в своей речи „Представил им (углежогам — Г. К.), что неприличие их поступка делает их преступниками против законов государства, что это важное преступление лишает их покровительства законов, а потому просьбы их, хотя даже вполне справедливые, не следовало бы и выслушивать в таком виде. Но, принимая в уважение, что многие из них, как известно, вовлечены силой, да и прочие увлечены дурным примером вероятно немногих людей, дурной нравственности, забывших совесть и бога“² и т. д. и т. п. и что он все-таки соизволит их выслушать.

Он глубоко ошибся, возлагая большие надежды на свою речь. Вернее она дала даже совсем обратный результат: углежого поняли его стремление оплевать одних из них, найти зачинщиков, виновников и нарушить их единство. Ответом на речь был всеобщий шум. К толпе из улиц примыкали новые люди. Многие женщины принесли мужьям колья и камни.

День уже клонился к вечеру. Многочасовое „убеждение“, не давшее никаких результатов, взбесило берг-инспектора.

Он дал срок подумать до утра, а пока приказал разойтись.

Толпа долго еще шумела и не расходилась, а позже „тронулась всей массой и к изумлению (отмечает чиновник в сентенции) шла в примерном порядке по 4-5 человек в ряд, будучи частью вооружены кольями, без шума и с мрачной решимостью на лицах, за ними женщины нестройно толпой“.³

¹ Связка 9, дело 22, лист 15.

² Связка 9, дело 22, лист 14.

³ Связка 9, дело 22, лист 15.

В сентенции об этом дне записано:

„Претензия, объявленная крестьянами по прочтении законов: главнейше состояла в том, чтобы им был прочитан штат, будто-бы составленный и Высочайше утвержденный для Ревдинских заводов, который, как они с достоверностью знают, скрывается от них ближайшим их начальством, далее требования их заключались в том, чтобы производить им платы, сообразно штатов Златоустовских заводов, что на них возлагаются многие работы, и вообще все те претензии, которые были объявлены ими и прежде. Требования эти они делали с наглостью и буйством, криками о том, что до объявления штата они не разойдутся, что они ныне не так просты, как 15 лет тому назад, когда при подобном их сборище они покорились воинской команде, причем в глазах их отбирали виновных и подвергали наказанию, что они решили стоять дружно друг за друга до последней капли крови, что они все равны, и что зачинщиков между ними нет“.¹

Если отбросить „наглость и буйство“, которые есть ничто иное, как характеристика событий чиновником, останутся мирные требования штата. Никого из начальства в этот день и пальцем не тронули.

На ночь по избам не расходились. Ночевали все в сборе на мосту. Да и что это был за сон.

Решено было наутро пойти организованно на площадь, вооружившись чем попало, и добиваться штата, несмотря ни на что.

Из показаний Демида Кокушина мы узнаем „у нас положено было, что если солдаты станут захватывать зачинщиков поодиночке, то не сдаваться и по многочисленности своей мы надеялись успеть в этом“.²

Караулы, как и прежде, всю ночь охраняли проход в слободу. Несколько человек проникло на площадь, чтобы выведать, как готовятся к утру в лагере противника.

А в большом господском доме поздно вечером берг-инспектор созвал совет из подполковника Пашенко и майора Клейменова.

Трудно сказать, что было съедено и сколько выпито в этот вечер озабоченным начальством в господском доме, но совершенно точно известно, что этот так называемый совет посчитал, что было сделано все возможное, что в случае упорства буйных слушников, простирая далее снисхождения они считали себя не в праве и что дальнейшая нерешительность подаст опасный пример, как для прочих цехов того же Ревдинского завода, в коем число жителей обоего пола простирается до 7000 человек и коих тишина становилась по доходящим слухам сомнительною, так и вообще для прочих заводов, ибо также известно было, что бунтующие соглашали на свою сторону рабочих людей соседственного Бисертского завода“.

---

¹ Связка 9, дело 22, лист 11.

² Связка 2, дело 3, лист 329.

Решив таким образом, совет составил протокол, которым постановил: „В случае последней крайности действовать оружием“.

Позже мы узнаем, что явилось этой последней крайностью и повлекло за собой ужасную кровавую расправу.

Утром 15 апреля толпа углежогов „явилась на площадь в довольно стройном порядке и приметно в большем количестве, причем уже все до одного были вооружены кольями“.¹

Женщины и множество детей сопровождало толпу.

Видно было, что здесь готовились к их приходу. На площади недалеко от двора главной конторы стояла пожарная машина, приготовленная к употреблению.

От заводского колокола по приказанию начальства была предсудометрительно отвязана веревка.

Оба эти обстоятельства были учтены руководителями углежогов и были предприняты соответствующие меры.

Плотной стеной оцепили углежоги пожарную машину и с криками: „Мы не бараны“, „Не дадим разогнать себя водой“, отбили ее у охраны военнослужителей. Одного из них Вдовина даже побили. К пожарному сараю на всякий случай были поставлены свои люди.

Но немного погодя убедившись, что обливать толпу водой не будут, отдали обратно военнослужителям и ключ от сарая и рукав от машины. Длинной веревки, годной для того, чтобы привязать к колоколу, найти не смогли. Решено было за веревкой послать, а у столба с колоколом на всякий случай оставили двух братьев Логиновских. В ожидании последующих событий толпа вела себя спокойно. Часть женщин занялись собиранием в кучи камней и чугуни. У орудия копошились военнослужители. Пехоты на площади еще не было. Любопытные ребяташки примостились на крышах лавчонок мелочного ряда и чувствовали себя наверху блаженства.

Некоторым из них так и не суждено было сойти в этот день со своих „наблюдательных постов“.

Когда пригрело солнце², на площади стали строиться обе роты пехоты.

За солдатами появились оба попа, берг-инспектор с исправниками, служители. Порозов начал со своих излюбленных увещаний. Он нашел „приличные на сей случай“ законы и решил вычитать их перед собравшимися. Это возмутило толпу.

За 12 дней эти вычитывания, увещания и убеждения так надоели, что ропот негодования пробежал по толпе при виде чиновника Дорнобуша, несшего книги с законами. И чиновника и казака, помогавшего ему нести книги, побили, а книги отобрали и бросили.

Появившегося перед толпой священника Флеровского с кре-

---

¹ Связка 9, д. 22, лист 14.

² Еще несколько лет тому назад жив был в Ревде очевидец событий, которому в 1841 г. было 8—9 лет, и на которого самое сильное впечатление произвел блеск штыков на солнце. Из рассказа Ревдинского жителя П. Н. Белоглазова.

стом слушать совсем не стали. Многоголосая толпа ответила ему криками:

- Удались. Ребята, не целуй креста.
- Не слушай его, хриstopродавца.
- Теперь не 1826 год, не обманешь, не станем на коленн.
- Нечего нас убеждать и стыдить. Мы за правое дело стоим.
- Вычитывай штат и все тут.
- Нам только штат вычитай, мы и разойдемся по домам.
- Самим не сладко тут околачиваться, в куреня надо. (Выбрано из многочисленных свидетельских показаний).

Поп удалился освященный, а полковник Порозов отдал приказ двум взводам выйти вперед и дать залп по толпе.

В официальных донесениях исправника и в сентенции военно-следственной комиссии об этом напряженном моменте говорится следующее: „толпа взъядрилась и первая начала нападать со своим оружием“.

И исправник и члены комиссии хотели этим оправдаться и показать, что они были доведены поведением толпы, якобы бросавшей в солдат и начальство камнями и чугунинами, до „крайности“.

Из многочисленных показаний самих углежогов, верить которым мы имеем больше оснований, следует совсем обратное.

Так Демид Кокушин показывал, что когда „Господин начальник после неоднократных, но безуспешных убеждений приказал стрелять в нас, вся толпа, подняв руки вверх, сложив их крестом, оставалась в уверенности, что после трех холостых выстрелов прочитают штат“.¹

Залп двух взводов по толпе резко изменил все дело. Тут уже действительно камни и чугунины полетели в сторону солдат.

Около столба с заводским колоколом разгорелась ожесточенная борьба. Веревку к этому моменту еще не принесли и один из сыновей Логиновского, стоявший наготове у столба, тотчас же после залпа быстро полез по скобам к колоколу и ударил в набат. Солдаты пытались стащить его, но их отогнали и побили углежого.

Ревдинцы рассказывают, что после этого был отдан приказ снять смельчака пулей... Насколько верен этот факт по документам не установлено, но известно, что старый углежог Василий Логиновский, участник волнения 1826 года, в этот день потерял убитыми трех своих взрослых сыновей.

Гулкий, но непродолжительный набатный звон и выстрелы вызвали на площадь мастеровых из заводских цехов.

Полицейские и военнослужители загоняли их обратно. Только кричный цех (150 чел.) дольше других оставался на площади, но после и они были загнаны обратно.

Чтобы окончательно разогнать толпу Порозов отдал приказ стрелять из орудия. В сентенции указано, что „вслед за залпом двух взводов и завязавшимся вслед за ним рукопашным боем —

¹ Связка 2, дело 3, лист 329.

последовал выстрел из орудия картечью в центр толпы, где стояли самые заgrубелые бунтовщики“.

Теперь уже никто не думал, что за сим последует вычитывание штата“.¹

Раненые бежали, обливаясь кровью, трупы товарищей преграждали им путь. Всюду кровь и искаженные от ужаса лица. Стоны и нечеловеческие вопли стояли над площадью.

Часть углежогов забежала в открытые ворота двора главной конторы, другая часть кинулась за ряды лавчонок, устроив из них своеобразную баррикаду, но оружия у них не было, а камнями (да и их запас мал) не многое сделаешь.

После второго выстрела из орудия (в сентенции говорится, что из гуманных соображений начальника он дан был не по толпе, а выше по пригорку), подгоняемые шумом и криками раненых и умиравших и остальные углежоги бросились бежать кто куда.

Во дворе главной конторы кучка угольщиков, вооруженных кольями, была противопоставлена силе штыка.

И несколько времени спустя, двор представлял собою месиво из земли, крови и изуродованных человеческих тел.

За весь день не был убит ни один человек ни из воинской команды, ни из заводского начальства. Они отделались незначительными ушибами 3-х офицеров и 17 рядовых.

Каждый ушиб, синяк, кровоподтек, полученный офицером или солдатом, каждый погнутый штык и проломленный кивер были с изумительной тщательностью, со всеми мельчайшими подробностями описаны на другой день подполковником Кураевым в донесении Екатеринбургским властям. (Не были забыты даже порванные ремешки и поцарапанные ложа винтовок).

Вслед за убежавшими с площади углежогами были посланы два взвода солдат, но этим „охотникам“ за людским мясом досталось немного.

Главное побоище произошло на площади и во дворе конторы.

А поселок, как будто вымер.

С площади в страхе и ужасе от всего виденного бежали угольщики по дорогам в лес, в курени.

Жители закрывали двери и ворота и жуткая пустота и тишина царили в улицах.

А на площади в это время спешно приводилось все в порядок, засыпались землей лужи крови, сгребали в кучу камни и обломки палок, а по направлению к кладбищу потянулись подводы с трупами. В конце улицы, несколько в стороне от кладбища, у перекрестка двух дорог рыли громадную яму, где на утро 16 апреля без гробов и отпевания были схоронены все убитые.

Улицу, столь обильно политую кровью углежогов, стали называть в Ревде Красной.

О количестве людей, заплативших жизнью в этот кровавый день за настойчивость в борьбе, за облегчение своего положения, судить очень трудно.

Военно-следственная комиссия в своем донесении указывает,

¹ Связка 9, дело 22, лист 17.

что убито было 25 мужчин, 6 женщин и 2 девочки, ранено 62 человека. Есть также указания, что из числа раненых позже умерло еще 30 человек.

Но до 1926 года (до пожара в Ревде, когда сгорел музей) имелся документ: семейная летопись Ревдинских жителей Уминовых, в которой было записано:

„1841 год. В понедельник Фоминой недели зачался бунт — в 15 мая, (видимо опечатка, т. к. события происходили в апреле, а пасха была в тот год 4 апреля. Г. К.) было решение, стреляли боевыми зарядами, убито мужчин 160 человек, женщин 6 и две девочки и мальчиков двое и всего было убито и ранено 256 человек.¹

Расхождение в количестве убитых мужчин в этих двух документах чрезвычайно большое. Это дает нам основание думать, что в сентенции цифры преуменьшены.

Демидовские прислужники расстреляли в этот день не только угольщиков, их жен и детей, они расстреляли также и веру в возможность борьбы в форме прошения.

Этот день убедил углежогов в том, что штат нужно не просить, а добиваться и что колья и камни не оружие против штыка, пули и пушки.

В тот же день, к вечеру, по куреням и дорогам заводууправление разослало нарочных с целью „объявить крестьянам, чтобы они спешили в завод являться с покорностью и тем показать свое чистосердечное раскаяние“.²

12 апреля к 6 часам вечера с выражением Покорности явилось до 240 человек. Ужас виденного на площади, полная разъединенность (ведь курени, куда бежали тотчас же после расстрела, удалены друг от друга), отсутствие руководства сделали свое дело. Шли и на другой день. Через несколько дней явилось уже 400 человек.

Приходили покорные, подавленные, но далеко не все отказывались от своих действий, а старались, правда всячески смягчая выражения, оправдать свое поведение. Нашлись и такие, как, например, Андрей Дрягин, который заявил на допросе:

„Если на будущее время народ сделает новое возмущение, то я готов присоединиться к нему“.³

Многие из пришедших ссылались на то, что „к скопам были привлечены силой и были к участию в них подстрекаемы“, но много также и заявлений типа заявления Якова Тюрикова, который на допросе показал:

„Известно только, что силой в нашу толпу никого не привлекали, а все шли по доброй воле“.

16 апреля к вечеру бер-инспектор счел дело в основном ликвидированным, и по дороге в Екатеринбург была отправлена рота солдат при одном оружии. Вместе с ними были отправлены и захваченные 15 апреля углежогои.

¹ Цитирую по книге В. Быкова „Возмутители“, Уралкига, 1925 г., ц. 50 к., стр. 106.

² Связка 9, дело 22, лист 18.

³ Связка 6, дело 15, лист 338.

„ 2 „ 3 „ 63.

Жены и дети оплакивали своих мужей, отцов и братьев, погибших в трагический день 15 апреля 1841 г. на улицах Ревды; угольщики, получившие тяжелые ранения, мучились в агонии, а в это время прапорщик линейного Оренбургского батальона отмечал в ведомости: „На усмирение мятежников в Ревдинском заводе употреблено: пороху в боевых патронах — 7 фун. 78 зол., свинцу — 20 фун. 48 зол., пороху в двух зарядах картечи — 2 фун. 48 зол., картечей, заделанных в жестянках — 2 шт., полустамету, скоропалительных трубок и фитиля по положению“.¹

Сколько человеческих жизней, сколько горя и отчаяния, сколько слез углежогов и членов их семей, сколько крови скрывалось за сухими цифрами ведомости. Но это еще не все.

Вслед за прямым расстрелом толпы на площади и улицах Ревды должен был последовать суд и расправа...

И с этой целью 17 апреля 1841 г. исправляющий должность главного начальника горных заводов Уральского хребта полковник Порозов назначил в Ревду военно-следственную комиссию в составе надворного советника Тимченко, Меджера, Леннова, Севастьянова, Усольцева и Черепанова.² Позднее комиссию пополнили 2 членами: от Пермского гражданского губернатора — осинским уездным судьей Соболевым и жандармским офицером подполковником Жадовским. На правах члена в комиссию входил еще представитель духовенства „увещатель“ поп Троицкий.

Полковник Порозов поручил военно-следственной комиссии выявить лиц, которые говорили о штатах для Ревдинского завода; найти виновников и всех лиц, способствовавших восстанию; установить причину и цель восстания.³

Это распоряжение Порозова членами военно-следственной комиссии было получено 17 апреля в полночь на 18 число, а 18 апреля в 8 часов вечера Тимченко уже был в Ревде.

„1841 г. Апреля 19 числа в два часа пополудни комиссия открыла присутствие в Ревде.“⁴

Допрашивали мужчин и женщин, стариков и детей, больных и здоровых. Проводили обыски и облавы на „непокорных“. Устраивали очные ставки и принимали доносы.

Военно-следственная комиссия допрашивала и тяжело-раненых. Больных, находящихся на излечении в военном госпитале, она по существу подвергла аресту.

Люди, находящиеся на краю могилы, должны были давать ответы на многочисленные вопросы военно-следственной комиссии. Штат чинов, выполняющих приказание комиссии, нередко подавал рапорта следующего содержания:

„После донесения моего от 22 Апреля за № 745, померли из раненых Осип Логиновских 22 Апреля, Алексей Логиновских 25 Апреля, Михайло Минин 24 Апреля, Никита Мельников 27 Апреля, Мартен Мясников 29 Апреля, Павел Бельков 3 Мая и

¹ Материал Свердловского Обл. архива, фонд 34, св. 8, дело № 18, лист 24.

² Фонд 34, связка 1, дело 1, лист 5.

³ „ 34 „ 1 „ 1 „ 6—7.

⁴ „ 34 „ 1 „ 1 „ 84.

жена Тимофея Устинова Татьяна 23 Апреля.¹ Но это нисколько не трогало комиссию. Она заботилась больше о том, чтобы не ускользнули от допросов выздоравливающие раненые. Поэтому она дала предписание, чтобы медик Ревдинского завода разрешал выздоравливающим выходить из госпиталя и даже из частного дома только с согласия военно-следственной комиссии.

Военно-следственная комиссия допросила 778 человек. Было исписано 2504 листа бумаги. Все необходимые сведения были в руках комиссии. Крестьян-угольщиков Ревдинского завода ожидали новые мучения.

8-го Июня 1841 г. военно-следственная комиссия закончила свою работу в Ревде и представила на усмотрение высшего начальства свое заключение по делу.

Среди допрошенных оказалось немало участников волнения углежогов в 1826 году, таковы: Федор Белоусов, Тимофей Бормотов, Лука Бороздин и многие другие, наказанные тогда палками.

Из материалов военно-следственной комиссии наиболее ярко выступают фигуры Тимофея Козырина, Ювеналия Дрягина, Василия Логиновского и Демида Кокушкина.

Это те самые люди, о которых берг-инспектор Порозов 14 апреля перед толпой брезгливо отозвался, как о людях „дурной нравственности“, забывших совесть и бога, увлекающих крестьян дурным примером.

На презрительные клички и смачные характеристики для этих людей чиновники — верные слуги заводчиков Демидовых, не скупились. Записи о них пестрят пресловутыми „загрубелый буян“, „дерзкий загрубелый бунтовщик“, „подстрекатель толпы“, „из главных вероломных зачинщиков и на словах по сию пору самый дерзкий“ и пр. и др.

Но в отзывах самих углежогов об этих людях звучит великая симпатия.

Десятки резких, дышащих ненавистью ответов, дают крестьяне на заведомо провокационные вопросы комиссии:

— Где и кем подстрекаем был?

— Кого из твоих товарищей и кто вовлек силой в толпу и подстрекал к скопищам?

Или еще:

— Расскажи про то, как Тимофей Козырин и Андрей Дрягин заставили вас присоединиться к толпе?

Конечно, нашлись в среде углежогов и такие, которые в первый же день после расстрела, что называется вчистую отмежевались от толпы, сослались на свою темноту, на незнание и непонимание событий, в которых принимали участие.

Эта часть и давала показания о привлечении к толпе силой.

Но количество таких ответов не так-то уж велико, а кроме того и происхождение их становится ясным после того, как познакомишься с деятельностью самой комиссии.

Дело в том, что одним из членов комиссии был поп Троицкий, прямой обязанностью которого было н а п о м и н а т ь допрашивае-

¹ Фонд 34, связка 1, дело 1, лист 165.

мым о карах небесных. Что скрывается за этим с виду простеньким словом „напоминание“ нам неизвестно, но это известен ряд фактов, когда такое „напоминание“ давало радикальные результаты.

Мы уже приводили показания Андрея Дригина, заявившего на первом допросе, что „если на будущее время народ сделает новое возмущение, то я готов присоединиться к нему“, а сейчас проследим, что произошло дальше.

Этот же самый Андрей Дригин „после чинимого ему 20-го Июня 1841 года увещевания всевозможными совести его обличениями, на памятованием смерти, страшного суда божия и вечного мучения“, сказал, что все, ранее сказанное им было сказано по глупости; „напротив, ни намерения к участию в новом возмущении не имел и ни о заговоре на подобное преступление неизвестен, а навсегда остается в полном повиновении своему начальству“.¹

Из этого понятно, что верить этого сорта показаниям не приходится, т. к. их, видимо, вымучивали, вырывали у человека.

Вождями в широком смысле слова ни Козырин, ни Дригин, ни Логиновский, ни Демид Кокушкин не были, но каждый из них проявил достаточно воли, энергии и сознательности и заслуженно пользовался уважением углежогов.

Тимофей Козырин, распоряжавшийся действиями углежогов и в Елани и на площади, известен нам по материалам комиссии, как крестьянин-углежог. „Веры православной, неграмотен, 39 лет от роду, дом, жену, детей, обзаводство двух коров и семь овец имеет“.²

Не имея ни лошади в хозяйстве, ни взрослых работников в семье (его старшему сыну было 15 лет), Козырин на протяжении нескольких лет без недоработок выполнял оклады.

Но тяжесть работ, увеличивающаяся год от года, привела его в ряды недовольных углежогов, законно требовавших уменьшения сверхокладных работ, упорядочения их, уменьшения меры угольного короба, увеличения оплаты, что в общем получило название штата.

Показания Козырина на допросах чрезвычайно интересны. У него не встретишь односложных (не вскрывающих сути дела) ответов. На вопрос о том, что его привело к скопам, он отвечал весьма обстоятельно.

Вместо обычного „тяжесть работы“, так часто встречающегося в показаниях, он дал подробный разбор всех возлагающихся на углежогов работ, времени, требующегося на их выполнение, условий, в которых производятся работы. Указывал также на все прежние попытки углежогов добиться облегчения в работе и на безрезультатность этих попыток.

От многих, приписываемых ему по оговорам „грехов“, Козырин отказался, признал только, что руководил он толпой с полного ее согласия. Не отказался он и от выражений, указывающих на „дух непокорности“, а лишь подтвердил их на допросах, говоря:

¹ Связка 6, дело 15, лист 338.

² Связка 6, дело 15, лист 338.

— Что за начальство, если не убавило работ по нашей просьбе?
— „Что за священник, употребленный для увещевания нас, если он, не сказавши ничего и повернувшись, благословил бить нас, как баранов?“

Ссылку в каторжные работы получил Тимофей Козырин за руководство волнением углежогов.

Как тип руководителя интересен и Ювеналий Дрягин, молодой раскольник, принимавший участие во всех сходах углежогов, бывший в числе 6 углежогов, подававших просьбу. Дрягин был арестован за подавание просьбы, из заключения бежал, вновь присоединился к углежогам и до самого момента расстрела толпы на площади был одним из видных организаторов — правой рукой Козырина.

После расстрела углежогов на площади бежал в леса, скрывался там до 23 мая, пытался поддержать связь с крестьянами соседних деревень, собирался подать прошение на „Высочайшее имя“. Но изголодавшийся и измученный был пойман в лесу и предан военному суду.

Особенно нужно остановиться на характеристике Василия Логиновского.

Этот степенный старик, непосредственный участник волнения углежогов в 1826 г., наказанный тогда за это палками, „извечный буян“, как называют его чиновники, он пришел 15 апреля на площадь не один: с ним были 4 взрослых сына.

Он рассказывал молодым углежогам о событиях 1826 года, призывал стоять на своем твердо. Он верил в победу, верил, что углежоги получают штат. Смерть трех сыновей принес этому старику кровавый день 15 апреля.

Такова краткая характеристика людей, возглавивших углежогов в их борьбе за облегчение своего положения.

После того, как закончила свою работу военно-следственная комиссия, встал вопрос о суде над крестьянами-угольщиками. В Июне был назначен и начал заседать военный суд. Для увещевания подсудимых были привлечены попы из Билимбаевского завода — Остроумов, Троицкий и Василий Флеровский. Жандармы в рясе были при суде поочередно. Военный суд в Ревдинском заводе заседал почти целый год. В результате его „работы“ было привлечено к суду 555 человек, а допрошено 5,84 человека. Заключенных из Екатеринбургского тюремного замка под усиленным конвоем, приводили в Ревду на допросы в суд.

Из архивных документов видно, что с 15 апреля 1841 г. и до февраля 1842 г. умерло от ран 34 чел. и „от болезненных припадков“, — как доносил исправник, 4 человека. Это дополнительные жертвы к событиям 15 апреля 1841 г.

Окончательное решение по делу ревдинских углежогов военный суд вынес только в конце мая 1842 г.

Суд вынужден был признать, что в Ревдинском заводе положение крестьян-углежогов было значительно хуже, чем в казенных и соседних частных заводах. В решении суда было отмечено, что сверхокладные работы в Ревдинском заводе действительно очень обременительны и что многие углежоги не в состоянии были обрабатывать получаемый провиант и впадали в долги.

На суде раскрылась картина злоупотреблений заводской администрации в наложении на углежогов телесных наказаний. Били, пороли по своему личному усмотрению и заводская контора, и исправник, и приказчик, и куренные надзиратели.

Как и следовало ожидать, суд ограничился только формальным констатированием всех этих фактов.

Больше того, суд не пытался найти для восставших смягчающих вину обстоятельств, несмотря на то, что эксплуатация углежогов на Ревдинском заводе была исключительной.

В конце концов, суд пришел к выводу, что

„Действия заводоуправления по обременению угольщиков работами нельзя признать за исключительную причину к возмущению“ и решил „Освободить ревдинское заводоуправление от ответственности перед судом по этому делу, со взысканием из заводских сумм всех расходов, происшедших при усмирении возмущавшихся при следствии и при производстве суда“— таков был итог решения. Классовый смысл его понятен без объяснений.

Характерно также, что решение суда по отношению к представителям заводской администрации отличается стремлением смягчить наказание, замазать суть дела.

Уж кто, как не куренной надзиратель Алексей Камаганцев, обвиненный единодушно всеми углежогами в исключительных жестокостях, заслуживал самого серьезного наказания?

Казалось бы, что по отношению к этому самодуру надзирателю, делавшему жизнь углежогов невыносимо тяжелой, не могло быть скидок, но суд ограничился только тем, что освободил Камаганцева от должности куренного надзирателя и решил впредь к должностям, сопряженным с командованием людьми, не определять“. Примерно также выглядело решение суда и об остальных представителях заводской администрации.

Но когда военный суд стал выносить решение о другой категории лиц, то отношение к наказанию резко изменилось. Николай Сосунов — заводского служащего, снявшего копию с указа горного правления и разгласившего ее углежогам, „отдать в военную службу, куда годным окажется, в противном случае обратить в арестантские роты, в случае же неспособности к работам, сослать в Сибирь на поселение“. Служителя из крепостных Нижне-Сергинского завода Губина, Никифора Алексеева Трубецкого (39 лет) за написание прошения крестьянам-угольщикам приговорили: „Наказать шпицрутенами через пятьсот человек один раз и сослать в Сибирь на поселение“. Служителя из крепостных этого же завода Василия Силаева (26 лет) за то, что он переписал ревдинским угольщикам прошение, составленное Трубецковым,— „наказать шпицрутенами через триста человек один раз и отдать в военную службу, куда годным окажется, если не подойдет для военной службы, то отдать в арестантские роты или же сослать в Сибирь на поселение.“

Унтер-офицера Ивана Десятова оставляли в „сильном подозрении“ и просили высшее начальство удалить Десятова из Ревдинских заводов под строгий надзор полиции по месту жительства.

Суд, освободив от ответственности за десятки вырванных из жизни честных крестьян-угольщиков и обильно пролитую кровь трудящихся на улицах Ревды — заводоуправление, признал, что „поступки восставших были „противозаконными“, а поэтому и решил „признать их умышленными виновниками сопротивления властям законным вооруженною рукою и подвергнуть за сие заслуженному наказанию“.

Чтобы пустить пыль в глаза населению, показать „объективность“ при вынесении решения, военный суд разделил всех остальных подсудимых на 18 разрядов, приписав каждому разряду определенную виновность.

Суд отметил, что „справедливость требует назначить для каждого и пристойное за вину его наказание“.

К первому разряду были отнесены люди, обвиненные в том, что они были застрельщиками подачи прошения и руководили крестьянами-углежогами.

Лучшие из углежогов, поднявшие свой голос за улучшение жизни, за смягчение каторжных условий труда, — Ювеналий Дрягин, Карп Еремин, Тимофей Козырин и Матвей Бороздин, были приговорены к наказанию шпицрутенами через тысячу человек один раз и к ссылке после этого в Сибирь в каторжные работы.

Подсудимых всех остальных разрядов приговорили к различным (по количеству шпицрутен) наказаниям и ссылке в Сибирь или „оставлению в жительство“.

На подсудимых последних 3-х разрядов взыскания решено было не накладывать, но „держать в сильном подозрении“.

Горькой иронией звучит часть решения суда о всех умерших подсудимых и о всех убитых на месте усмирения в день 15 апреля 1841 г. — „дело оставить без заключения“.

В своей свирепой ненависти к крестьянам-углежогам крепостники-судьи не прочь были и мертвых приговорить к избиению.

Приведение в исполнение решения о восставших крестьянах-угольщиках могло вызвать новую волну недовольства жителей Ревдинского завода и окрестных деревень. Это учли палачи, заседавшие в суде, и решили применить к подсудимым манифест от 16 апреля 1841 г. с тем, чтобы несколько разрядить раскалившуюся атмосферу в Ревде.

Они постановили освободить подсудимых первых девяти разрядов от телесного наказания, а последующие разряды и от подозрения. Освободили Трубецкова от наказания и от ссылки в Сибирь, Силаева — от наказания, а Сосунова — от подозрения и от отдачи обоих в военную службу. Был освобожден от подозрения унтер-офицер Десятов. Но оставили в силе пункты об удалении Десятова из Ревдинских заводов и об отсылке в каторжную работу подсудимых первых четырех разрядов. Из арестованных подсудимых никого не освободили, ожидая окончательного утверждения решения суда высшей инстанцией.

Окончательным пунктом в решении суда было записано о том, чтобы предписать исправнику Ревдинского завода и „духовному начальству“ иметь неослабное наблюдение о посещении крестьянами-угольщиками „исповеди и св. причастия“.

Исправник и „жандармы в рисе“ должны были следить „за долгом христианским“ на будущее время со стороны крестьян-угольщиков.

Решение военного суда о крестьянах-угольщиках пошло на утверждение высшего начальства. Со дня вынесения приговора прошел еще целый год, пока этот приговор был утвержден окончательно.

Многие осужденные питали надежду на то, что „по высочайшей милости“ им снизят меру наказания. Другие не рассчитывали на хороший исход дела, третьи — выполняя непосильный труд, умирали от истощения, четвертые, — находясь в тюремном замке, теряли всякую надежду на возвращение в деревню, всякую надежду на свободу. Они не выносили тюремного режима, и, не дождавшись окончательного приговора, умирали в тюремном замке. Вдовы и сироты стонали под тяжестью работ, выполняемых для полковницы Демидовой. Крестьяне-угольщики надрывались в куренях, выполняя к сроку положенные оклады для Ревдинского завода.

В Июне 1843 г., главный начальник горных заводов хребта Уральского получил предписание (т. н. конфирмацию) об утверждении решения Военного суда над крестьянами-угольщиками Ревдинского завода.

В конфирмации говорилось о том, что Николай I 4 мая 1843 года „высочайше повелеть соизволил“: Ювеналия Дрягина, Карпа Еремина, Матвея Бороздина и Тимофея Козырина сослать в каторжную работу. 25 человек из второго разряда подсудимых отдать в военную службу, а если окажутся к оной неспособными, то обратить в арестантские роты или сослать в Сибирь на поселение“. Леонтия Мясникова (из этого же разряда осужденных) отдать в арестантские роты на два года „во уважение того, что во время суждения сего крестьянина, он присоединился с семейством своим из раскола к единоверию“.

Из 270 подсудимых третьего и четвертого разрядов десятого по жребию наказать розгами, осужденных из третьего разряда по пятидесяти, а из четвертого — по тридцати ударов, с оставлением на месте жительства.

О Камаганцеве и о Ревдинском заводууправлении царь подтвердил решение военного суда. Бывшего управляющего Ревдинским заводом, унтер-шихтмейстера Криночкина, царь приказал перевести на службу в Нерчинский горный округ, а отставного унтер-офицера Ивана Десятова выслать из Ревды с воспрещением въезда в населенные пункты Уральской горной области и отдать под строгий надзор местной полиции. Все остальные подсудимые были от дальнейших мытарств освобождены.

Дело об исправнике Земляницыне было решено правительствующим сенатом в 1844 г. В решении говорилось:

„Земляницына, по явной его неспособности к полицейским должностям, впредь к оным не определять“. ¹

23 Июня 1843 года советник горного правления Деханов рапортовал своему начальству об исполнении конфирмации над крестьянами-угольщиками Ревдинского завода.

¹ Фонд 34, связка 9, дело № 23, лист 86. Решение правительствен. сената от 19 марта 1844 г. за № 3867.

Он рапортовал о том, что он наказал розгами углежогов, подлежащих по жребию телесному наказанию и что шесть человек из этой группы осужденных он не нашел, но поручил Ревдинскому исправнику отыскать их, привести наказание в исполнение. 31-го Июня 1843 г. полицмейстер Солонинин рапортовал Уральскому горному правлению о том, что находившиеся в Екатеринбурге участники апрельских событий 1841 г. в Ревде отправлены все или на каторгу или в рекруты.

В своем усердии выполнять конфирмацию не отставали и жандармы в рясах, они по своим инстанциям давали распоряжения о лучшем надзоре за своей „пастью“, объединяясь с исправниками для совместных действий:

По „высочайшему повелению“ свистели розги по спинам крестьян-угольщиков. „По высочайшему повелению“ невинные люди шли в Сибирь на каторжные работы. По „высочайшему повелению“ десятки людей попадали в солдаты и арестантские роты. По „высочайшему повелению“ седовласые старики и калеки шли по этапу в Сибирь на поселение. По „высочайшему повелению“ полковница Демидова и ее звериная свора продолжала вгонять в могилу крестьян-угольщиков. „По высочайшей воле“ крестьяне-угольщики Ревдинского завода попрежнему от непосильного труда получали грыжи, заворот кишек, увечья и т. п., а куренные надзиратели, исправник и поп следили за каждым их шагом.

В Ревде было подавлено одно из ярких стихийных выступлений крепостного крестьянства, боровшегося за улучшение своего положения.

Это событие глубоко врезалось в память жителей завода и ближних деревень. Из поколения в поколение, из уст в уста, с большим волнением передается трагический рассказ о судьбе крестьян-угольщиков, выступивших против крепостников-эксплоататоров.

Углежогии пытались вначале мирными прошениями, а позже „скопами на площади“ добиться штата государственных заводов для завода Ревдинского. Введение штата означало бы на практике значительное облегчение всех работ, т. к. по положению в казенных заводах ревдинцы должны были получить: 1) уменьшение сверх окладных работ, 2) уменьшение меры угольного короба, 3) увеличение платы за работы и 4) уменьшение вычетов за провиант.

В достижении своих требований крестьяне были настойчивы: в течение 8 дней они организованно являлись на площадь, требуя штат.

Движение углежогов носило еще изолированный характер. Ни рабочие других цехов, ни приписные крестьяне других заводов ревдинских углежогов не поддерживали.

Волнение было подавлено и закончилось расстрелом толпы на площади из ружей и орудия вызванной из Екатеринбурга воинской командой.

Никаких уступок углежогии не добились, но апрельские события дали углежогам серьезный урок классовой борьбы.
